

РАМКИ ИСТОРИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ ЧЕРКЕССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Алхасова Светлана Михайловна, orcid.org/0000-0003-1773-285X, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы, Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (Нальчик, Россия), alkhas55@mail.ru

Тема истории и судьбы адыгского (черкесского) народа – центральная в адыгской национальной художественной литературе. И хотя рамки истории, к которой обращалась адыгская литература, не ограничивались только XIX веком (периодом Кавказской войны) и первой четвертью XX столетия и предметом художественного осмысления писателей диаспоры становился и черкесско-мамлюкский период, в особенности время правления адыго-абхазской династии в Египте (XII–XV вв.), все же главной и основной темой в литературе зарубежной черкесской диаспоры оставалась тема Кавказской войны и махаджирства. Поэтому вся проза, и, прежде всего, исторический роман, посвящены названным выше темам. Поскольку в исторической памяти еще свежи трагические события XIX в. (Кавказская война 1763–1864 гг.), сопровождавшиеся гибелью и выселением в Турцию сотен тысяч адыгов (черкесов) и других горцев Северного Кавказа, они не могут не отображаться в литературе. Последствия выселения горцев Северного Кавказа периодически и последовательно дают о себе знать и в современном мире. Связано это с тем, что, став малочисленным народом в зарубежной черкесской диаспоре, а также на своей исторической родине, черкесы регулярно оказываются под угрозой естественной ассимиляции среди более многочисленных народов. Как известно, мировая историческая публицистика, а также мемуарная литература XIX – начала XX вв. оставили огромное наследие: сочинения, наблюдения, воспоминания, исторические описания о жизни и быте горцев, о Кавказской войне и др. Они всегда были доступны писателям, ученым, историкам зарубежной черкесской диаспоры. Все эти факторы сыграли важнейшую роль в обращении литературы к художественным произведениям, научным трудам и изысканиям по составлению словарей и азбук черкесского языка, по лингвистике родного языка и другим трудам и сочинениям, начиная с конца XIX века и до конца XX века, а также и до настоящего времени.

Ключевые слова: литература черкесского зарубежья, Кавказская война, жизнь и быт горцев, мировая публицистика, исторический роман.

Несмотря на то, что адыги-черкесы оказались на грани исчезновения, народу удалось выжить и сохранить традиционную культуру и создать свою оригинальную литературу. Одним из ярких представителей черкесского (адыгского) зарубежья является Расим Рушди [Хафицэ 2000]. Египетский ученый и писатель черкесского происхождения, видный деятель черкесского зарубежья Рушди Расим Осман (Фэукьюэ) (1898–1976) – потомок черкесских махаджиров – родился в Каире. Он внук генерала Осман Руфки-паши – военного министра в правительстве хедива Тауфик-паши. Успешно окончил Сорбоннский университет в 1920 году. Во времена египетских королей Фуада Первого (1917–1936) и Фарука (1936–1952) занимал высокие государственные должности. Являлся одним из основателей и руководителей Общества черкесского братства в Каире (1932). Поддерживал тесные связи с адыгами Иордании, Сирии, Турции. Печатался в каирских журналах «Аль-Рисала» («Письмена») и «Аль-Муктатаф» («Избранное»). Автор романа «Жан».

Рушди Расим Осман (Фэукъуэ) является автором научно-исследовательских и публицистических работ: «Черкесы и Египет», «Ислам и свободомыслие», «Алибек аль-Кабир», «История национальной трагедии черкесского народа», «Это моя нация (Черкес рассказывает о своем народе)», а также повести «Жан» (1949), посвященной геноциду адыгов в XIX столетии. Книга «Это моя нация» переведена на русский язык Абубекиром Гукемухом и издана в Нальчике в 1993 году.

До настоящего времени не опубликованы его романы «Очарованная весной» и «Султан Абдул-Хамид».

Остановимся подробнее на рассмотрении самого крупного литературного произведения Расима Рушди – исторического романа «Жан», хорошо известного в среде черкесов зарубежья. Он написан на арабском языке в первой половине XX в. В 1988 г. в Иордании, в издательстве «Мактаббат Ашабаб» роман «Жан» был переиздан вторично. В 2004 году роман переведен на кабардино-черкесский язык репатриантом Аднаном Калмыковым и опубликован в Нальчике в издании «Хэхэс дуней» («Мир махаджиров»), подготовленном Х.Т. Тимижевым [Тымыжь 2004].

Произведение предвещает развитие исторического романа в черкесской диаспоре XX в. Расим Рушди (Фэукъуэ) продолжил художественную традицию, начатую во второй половине XIX века Ахмедом Мидхатом в романе «Кавказ» и повести «Черкесские воспоминания». Рушди художественно раскрывает историю и этнопсихологию своего народа, переживающего Кавказскую войну и махаджирство. Его произведение написано после тщательного изучения им истории адыгов в архивах Британии. В тот же период, в 1939 году, одновременно с выходом романа Рушди публикует в Иерусалиме историческое исследование на английском языке «The tragedy of the nation in the history of the Circassians» («Трагедия народа в истории черкесов»).

Героиня произведения – легендарная женщина по имени Жан, которая хранит верность своему народу, как завещал ей ее отец, великий адыгский князь. Жан – женское имя, в переводе с черкесского означающее «острая», «тонкая», «умная», «проницательная». Постепенное, «ступенчатое» крушение надежд обозначается в романе сначала смертью великого князя, затем героической гибелью мужа Жан. А кульминацией становится трагический тупик, символизирующий «путь в никуда», – это гибель мальчика на руках у Жан.

В любой культуре смерть единственного сына на руках у матери, может символизировать только полное внутреннее опустошение. Жан теряет сына, когда она уже на корабле, и она держит путь в неизвестность. Ведь сын в адыгском мифо-эпическом представлении – это продолжатель рода. С его гибелью фактически гибнет сам народ. Писатель усилил краску безысходности, чтобы, по-видимому, подчеркнуть свою собственную утрату веры в будущее и гибель надежды на выживание своего народа на чужбине.

В выборе эмиграции, по мысли писателя, кроется катастрофа. Но Рушди не видит и иного выхода для него, исключая существование на родине после поражения. Утрата «свободы» – это не меньшая беда. Так, его главная героиня размышляет о том, что оставаться в отечестве равносильно «рабству». То, что герои романа считают рабством, на деле было ли таковым? Сколько войн испытало человечество на протяжении тысячелетий ... Все ли проигравшие войну эмигрировали? Обязательно ли поражение означает рабство? Сложение оружия, отступление – вот, что значит проиграть войну, но при этом – и возможность оставаться жить на своей земле ... Разве это было бы хуже того, что их ожидало в эмиграции? Вопросов возникает много. Поиски ответов на эти вопросы, собственно, и формировали творчество адыгских писателей зарубежной диаспоры.

Как и писатель черкесского зарубежья Ахмед Мидхат, Рушди не превращает свое произведение в современный исторический роман, хотя многие элементы этого жанра уже ярко присутствуют в нем. Несомненно то, что мы имеем дело с

эпическим произведением. Трактовка характера жанра, в котором Рушди написал свое произведение, находит выражение в том, что герои неадекватно относятся к своей судьбе. Они выше этой судьбы своим духом, но общее чувство героев – ощущение «тупиковости» ситуации, ее безысходности – определяет трагическое настроение в повествовании. Мифоэпические художественные знаки и образы, которыми пользуется писатель, указывают на крушение всех надежд.

В романе «Жан» Расима Рушди нет той сложной многоступенчатой повествовательной структуры, которая присуща историческим романам М. Кандура, и которая, безусловно, определяет стиль этого автора. В нем главным и единственным повествователем выступает сам персонифицированный автор. Такой способ повествования облегчает восприятие сюжета.

Постоянное присутствие голоса писателя – отличительная черта романа. Следовательно, автор-повествователь играет особую роль в художественной системе произведения, формировании романной структуры, а его речь, вместе с диалогом и речами других героев, становится основным средством раскрытия характеров. Эта же речь раскрывает образ самого автора, его взгляды на исторические события и личности, она же устанавливает связь между прошлым, настоящим и будущим. Неразрывная связь между историей, мифологией и философией народа понимается автором как естество адыгской экзистенции. Главная тема романа «Жан» – бытие адыгов, их судьба, повествование о том, что с ними происходит, когда над народом нависает катастрофа войны и эмиграции.

Следует упомянуть об одной важной детали, на которую необходимо обратить внимание в романе, в особенности, при характеристике композиционной структуры данного произведения. Когда ученые (и российские, и зарубежные) пишут о романе «Жан», они обращают внимание на использование «гыбза» (песни-плача), свидетельствующего о сильном влиянии фольклора. Мифологизация образа Жан, думается, совершается Рушди активным воплощением гыбза – одной из форм устного поэтического творчества, успешно «перекочевавшей» в литературный жанр. Как известно, гыбза отождествляется в сознании адыгов с концом жизни, с концом всего земного существования. Поэтому, выражая свои мысли в форме гыбза, Рушди передает, прежде всего, свое собственное настроение, мировосприятие.

Расим Рушди создал оригинальную эстетику, опираясь на духовное наследие своего народа, и, таким образом, воплотил замысел своего романа.

Каждый этап этнодуховного развития черкесской (адыгской) диаспоры во всех странах, где жили черкесские махаджиры, выдвинул целую плеяду выдающихся писателей, философов, историков и других ученых, которые, по сути, были и деятелями культуры. Они активно участвовали в создании Адыгэ Хасэ, культурных обществ, издании литературных журналов, создавали алфавиты, пропагандировали собственную культуру, выступали со статьями о сохранении народа на страницах газет и журналов, организовывали и проводили конференции по языковым проблемам и т.п. В их числе просветитель, языковед, поэт, писатель Бленао Батоко Харун (Блэнауэ) (1886–1958) [Хафицэ 2000]. Он происходит из адыгского рода Блэнауэ. Родился в сирийском городе Хомсе. Окончил Стамбульский университет. Активный участник первой черкесской организации (1908), член комиссии по созданию адыгского алфавита на арабской и латинской графической основе. Составленный им алфавит на латинице был принят Северокавказским обществом в Стамбуле. На нем печатались различные документы и художественные сочинения. Преподавал на родном языке историю и географию в Черкесской образцовой школе, основанной силами Общества взаимопомощи черкесских женщин. Его стихи и статьи публиковались в журнале «Дианэ», издании этого общества. После образования Турецкой Республики вернулся в Сирию, где вместе со своими единомышленниками вел культурно-просветительскую работу среди сирийской черкесской диаспоры. Один из основателей Союза черкесской интеллигенции в

городе Кунейтра (Голанские высоты). Эта организация в 1928–1932 гг. выпускала газету «Мэрдж» на адыгском, арабском, французском и турецком языках, издавала школьные учебники и научно-популярные брошюры, книги.

В своих публицистических статьях Харун Батоко обращал внимание на то, что в рамках историко-культурного процесса в изгнании у черкесов-махаджиров сформировались богатый и уникальный фольклор и литература, отразившие мировосприятие и философские взгляды адыгов, их эстетическое отношение к жизни, природе и человеку. Ведь адыгский язык развивался, и он постоянно испытывал воздействие других языков: турецкого, арабского, английского, иврита, русского и других.

Вместе с тем бережно сохранялись и совершенствовались духовные и культурные составляющие этноса, нашедшие выражение в Адыгэ хабзэ – кодексе чести народа. Этнодуховной составляющей Адыгэ хабзэ, как указывал Харун Батоко, является «адыгагэ», которая способствует самоосознанию адыгов как части человечества.

Многочисленные работы Харуна Батоко посвящены разработке адыгского языка, его фонетике, созданию адыгского алфавита: «Черкесский алфавит» (1919, 1929), «Адыгэ бзэхабзэ» (1931), «Адыгэ алфабэ» (1932), «Адыгэ арджэн» (1929), «Учебник для чтения» (1929), «Наставления по верховой езде», «Адыгэ усэхэр» (1940); «Наставления по верховой езде», «Адыгэ усэхэр» (1940), «Образование звуков и букв в черкесском языке и создание единого алфавита» (1940).

Харун Батоко умер в городе Кунейтра в 1958 году.

Деятель культуры черкесской диаспоры, поэт, композитор, народный певец Кушхэ Доган сын Алладина (1956) родился в г. Кайсери в Турции. Учился в университете Анкары. В этот период, будучи молодым студентом, он являлся активным членом «Адыгэ Хасэ» («Адыгское Собрание»), вел большую работу среди своих черкесских (адыгских) студентов по сохранению родного языка.

Кушха Доган является одним из тех изгнанников, чей подвижнический труд помогает сохранять культуру народа. Начиная со студенческих лет, Доган увлекся идеей сохранения культуры и родного языка, начал заниматься национально-культурной работой на благо своего черкесского (адыгского) народа.

Уже в молодые годы Доган ездил по всем поселениям черкесской диаспоры, встречался со старшими из родов диаспоры, по крупицам собирая сохранившиеся в их памяти жемчужины родного фольклора: нартские сказания, мудрые изречения, легенды, поговорки и пословицы и т.д. Он встречался с такими известными аксакалами черкесской диаспоры, как: Мурадин Ауанис, Берд Масей, Зачий Тлигур, Кушук Фащмух, Махир Глостан, Бадредин Дышек и многими другими. Одновременно Кушха Доган начал собирать забытые и полузабытые песни, плачи, старинные песни и мелодии. Доган стал сам исполнять эти песни, и его исполнение имело большой успех у слушателей. Вскоре он приобрел большую популярность не только в странах, где проживает черкесская диаспора, но и у себя на исторической родине – на Северном Кавказе.

В 1980 году Кабардино-Балкарское объединение «Родина» пригласило делегацию адыгских репатриантов из Турции во главе с Кушха Доган. В 1982–1984 гг. Доган стал преподавателем черкесской (адыгской) культурологии в Адыгском образовательном учреждении в столице Иордании Аммане. Там же, в Аммане при адыгском клубе «Нади аль Жил» он организует группы певцов и танцоров и занимается их обучением. В 1992 г. он был делегатом Первого Адыгского Всемирного фестиваля от черкесской турецкой диаспоры вместе с организованной им в городе Кайсери группой певцов.

В 1995 году на Кабардино-Балкарском республиканском телевидении были записаны песни Догана в его сольном исполнении, аккомпаниатором выступил Миша Куада. Эти записи помещены в фонд телевидения КБР. Выступления

созданного Доганом фольклорного ансамбля песни и танца черкесской диаспоры из Турции проходили с аншлагом в Германии, Голландии, Турции, а также на малой родине – Адыгее, Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии. В репертуаре ансамбля были представлены фольклорные песни, собранные по всей диаспоре, а также песни, написанные самим Кушха Доганом. В 2002 году Кушха Доган записал свои песни и издал их для широкой публики на CD-дисках. Песни Догана, такие как: «Песня Айтек Жетжера», «Песня Залимгерия Керефа», «Песня о моей жизни», «Песня о трагической гибели адыгских махаджиров», «Нет, не хочу!», «Мы едем, едем, за невестой едем», «Выйди, выйди замуж за меня, красавица», «Оредада», «Моя Тамара», «Андемыркан», «Скучаю по тебе», «Я пришел танцевать» и другие [Кушха Доган] – популярны во всех странах, где живут адыги.

В 2006 году на «World Art Committee», в котором принимали участие 33 страны, ему вручили золотую медаль и Почетную грамоту. Кушха Доган является почетным членом Кабардино-Балкарского фонда культуры, работник культуры. В 2012 году за заслуги перед адыгским народом в области культуры и искусства он был награжден также Почетным дипломом Кабардино-Балкарского государственного университета, ему присвоено высокое звание профессора университета. Он был посланником доброй воли от Кавказа, членом исполкома Всемирной Адыгской Хасы (ДАХ) с 2005 по 2013 гг., является членом совета Всемирной Адыгской Хасы.

В позднесоветский и постсоветский период времени в кабардинскую литературу влилась свежая литературная струя сочинений писателей зарубежной черкесской диаспоры, живущей на Ближнем Востоке, Турции, Европе и США [Алхасова 2015]. Литература писателей черкесской диаспоры – это результат историко-духовного развития на длительном отрезке времени [Надъярных 2005].

Культура черкесской диаспоры, развивавшаяся на основе этнодуховной идентификации Адыгэ хабзэ, была открытой. Особенностью ее является и такая характерная черта: литература черкесского зарубежья постоянно находилась в диалоге с культурами тех народов, среди которых жили и творили черкесы. Зарубежная черкесская (адыгская) литература не только испытала влияние других культур, но и сама оказала на них воздействие. Произведения таких писателей черкесского зарубежья, как Мохий Кандур, Кумук Мамдух, Фуад Дугуж, Аднан Кумук органично вошли в современную кабардино-черкесскую литературу. Говоря о новых, в прошлом запретных темах, следует назвать рассказы Мамдуха Кумука, поэтические произведения Аднана Кумыка, романы Мухадина Кандура, его трилогию «Кавказ» [Алхасова 2015]. Впервые М. Кандур отразил Балканскую трагедию адыгов в романах «Черкесы», «Балканская история», общая для адыгов национально-возрожденческая идея звучит в романе «И в пустыне растут деревья». Крупные художественные произведения писателя и кинорежиссёра Мухадина Кандура пронизаны национальным самосознанием и духовным возрождением адыгского народа.

Подводя итог, отметим, что рамки литературы черкесского зарубежья значительны и не ограничены в историческом времени. Они обогащают уникальный опыт всей адыгской литературы и способствуют ее самоутверждению.

Источники и литература

1. Алхасова С.М. Современная кабардино-черкесская литература. Фактологические и событийные материалы. Нальчик, 2015. 167 с.
2. Хафицэ М. Разбросаны адыги по белому свету. Книга о черкесском зарубежье. Нальчик: Эльбрус, 2000. 324 с.

3. *Надъярных Н.С.* Литературы народов России. М.: Наука, 2005. 376 с.
4. *Тымыжь Хь.* Хэхэс дуней. Изэрыуатэ тхыгъэ кыыхэхэхэр. Налшык: Эльбрус, 2004. С. 3–4, 99–101 (Мир махаджиров: сборник, составитель Х.Т. Тимижев. Налчык: Эльбрус, 2004. С. 99–101 (252 с.).
5. *Кушха Доган.* Материалы из личного архива Кушха Догана.

THE FRAMEWORK OF THE HISTORICAL TIME OF THE LITERATURE OF THE CIRCASSIAN ABROAD

Alkhasova Svetlana Mikhailovna, orcid.org/0000-0003-1773-285X, Doctor of Philology, Leading Researcher of the Kabardino-Circassian Literature Sector, Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (Nalchik, Russia), alkhas55@mail.ru

The theme of the history and fate of the Adyghe (Circassian) people in a certain period of time is the central theme of the national fiction of the Circassian diaspora. But the scope of the historical time, to which the Adyghe literature of the Circassian abroad turned, was not limited only to the XIX century (the period of the Caucasian War) and partly to the first quarter of the XX century (the era of revolutionary events and the establishment of Soviet power), the Circassian-Mamluk period, especially the period of the rule of the Adygo-Abkhazian dynasty in Egypt (XII–XV centuries), also became the subject of artistic understanding of the writers of the diaspora.

The matrix: “foreign Circassians (Adygs) – Circassian Mamluks”, stands for extremely simple. The first is that foreign Circassians identify their fate with that of the Circassian Mamluks. And the second: the proof of the first thesis is the second thesis, that in the diaspora of foreign Circassians there is a living connection with the descendants of the Circassian Mamluks. But the main and main theme in the literature of the Circassian diaspora abroad is the theme of the Caucasian War and Mahajirism. Therefore, all prose, and, above all, the historical novel, are devoted to the above-mentioned topics. Since the tragic events of the XIX century are still fresh in the historical memory. (The Caucasian War of 1763–1864), accompanied by the death and eviction to Turkey of hundreds of thousands of Adygs (Circassians) and other mountaineers of the North Caucasus, they cannot but appear in the literature. The consequences of the eviction of the mountaineers of the North Caucasus periodically and consistently make themselves felt in the modern world. This is due to the fact that, having become a small people in the in the Circassian diaspora abroad, as well as in their historical homeland, Circassians are regularly threatened with natural assimilation among more numerous peoples. As you know, world historical journalism, as well as memoir literature of the XIX – early XX centuries. they left a huge legacy – writings, observations, memories, historical descriptions about the life and life of the mountaineers, about the Caucasian war, etc. They have always been available to writers, scientists and historians of the Circassian diaspora abroad. All these factors have played a major role in the appeal of literature to works of fiction, scientific works and research on the compilation of dictionaries and abcs of the Circassian language, on the linguistics of the native language and other works and writings, from the end of the XIX century to the end of the XX century, as well as to the present time.

Keywords: literature of the Circassian diaspora, the Caucasian War, life and life of mountaineers, world journalism, historical novel.

DOI: 10.31007/2306-5826-2021-2-49-73-78